

«То правда, в разные идут
стихи потребности:
завертывают в них хрен,
перец и табак.
Идут они и...
ребятам на змеи, хлопущки, на пыжи»...

Так определял назначение стихов один из писателей до – пушкинского периода В. Петров. («Послание из Лондона»).

Эта язвительная оценка была понятна в условиях того времени. В «блестящий Катеринин век» среди дворянской знати как раз сильно развилась мода на рифмачество. Стихи писали все, кто был мало-мало грамотен. По поводу и без повода. Иные титулованные стихоблуды даже платили издателям, чтобы «появиться на свет». Коммерческий человек – издатель, разумеется, деньги брал «безотказно» и издавал «на широком листе». Внушительнее, автору приятнее и «на разные потребности способнее».

Казалось бы, незачем теперь ворошить это старье, а оно все-таки лезет в голову, когда листаешь книжку М. Черныша «Стихи о прозе» (Пермь, «Звезда», 1930 г., 63 страницы, тираж 3000, цена не указана).

Судя по размеру (1/32 доля печатного листа), книжка не приспособлялась «на разные потребности», но для чтения она тоже не годна.

Автор, правда, думает иначе. В предисловии к своим стихам он говорит:

«Несмотря на распространенное мнение о том, что газетный фельетон живет только один день, автор считает, что фельетон имеет право на значительно больший срок существования и поэтому в настоящий сборник вошли вещи, не только печатающиеся впервые, но и вещи, печатавшиеся ранее в периодических изданиях».

Со стороны автора желание увидеть в печати свои вещи второй, третий, двадцать третий раз, пожалуй, понятно: ведь авторские платят, но вот зачем издательство «Звезда» на это согласилось – никак не поймешь.

Стихи, как стихи... обыкновенные... на злобу дня... Таких немало еще мелькает в наших газетах. Не то для украшения, не то для упражнения. Это уж пусть критики объяснят, – для чего.

Черныш типичен для злободневного стихотвора. Он может, видимо, на любую тему дать стихи любого рода, не стесняясь ни размером, ни «мелкими деталями».

Отказали; например, Пермскому зоосаду в дотации. По этому поводу у Черныша «Звериный вопль» на целых двух страницах.

Арестовал начальник милиции корреспондента газеты «Безбожник» – сатира, на 1 ½ страницы: «Карагайский Шерлок Холмс».

Отдыхавшему на курорте листобойщику ошибочно снизили ставку – элегия: «Это было у моря», хотя по эпиграфу видно, что это было в Нытве.

В этом стихотворении после ажурной пены, рокота прибороев, бирюзовой каймы и прочих черноморских принадлежностей есть такое элегическое место:

И пошел листобойщик
с помутившимся взором,
И явился Ощепнов
в заповедный завком.
Но завкомцы сразу,
но завкомцы хором
Окатали беднягу
благородным зевком.

Удивительно грустно становится от такого стиха и на кислое, страсть, не тянет. Только лучше читать сразу и хором, а то негладко течет. Впрочем, это деталь. «Хоровой благородный зевком» тоже деталь. Это ли бывает при строчкогонстве.

В стихотворении, где славится «праздник наш итоговый, неугомонный май» говорится:

Черною жемчужиной
раскинулся Туркосиб.

Это вот – да. Деталища, можно сказать.

Жемчужина в 1400 километров. После этого все можно. Перестаете даже задумываться, что хотел сказать автор.

Вот идиллия (надо же и в этом роде что-нибудь дать) «Влюбленный буксир», там читаешь:

Пароход смазливую барку
Ухватил за длинную цепь,
А у барки были товарки,
У них из бортов течет.

И нисколько не беспокоишься. Течет – и ладно. Пусть течет. Хуже не будет.

Не мало в книжке Черныша и бодрой лирики.

Здесь особенно показательно стихотворение «Венецианский мотив». Оно построено на контрастах: у них и у нас. В Венеции замерзли каналы, в Перми состоялись лыжные вылазки. Контраст яркий, а тема, как видите актуальная. До чрезвычайности.

И вот Черныш, вытащив из дореволюционного архива, снятый с валка шарманки, романс, начинает оперировать затертыми, давно выброшенными на свалку, словами:

Гондольера карта бита
Но к чему гитары стон,
Молодая синьорита
Не выходит на балкон.
Синьорита, точно роза.
Розу ждет коварный ус...
Но по случаю мороза
У нее жестокий флюс.
И напрасно стонут струны,
Синьорита не придет.
Вздохи бархатной лагуны
Затянул зеркальный лед.

Этому противопоставляется:

«Наши градусы пониже,
Здесь мороз берет в упор,
Но скользят упрямо лыжи
С крутизны высоких гор».

И в конце «актуаль-мораль» подпущена:

«Пусть мятель взовьется в танце,
Пусть сковали льды реку –
Что страшит венецианца,
То здорово пермяку».

Пермяки, конечно, к холодам привычны, но «венецианские мотивы» вряд ли и они выдержат, даже в своей наиболее ярко выраженной мещанской части.

Ведь все же знают, что лагунам и заливам ныне свистит фашистская резина, истошно вопят новоявленные крестonosцы и крепко замыкаются тюремные двери за все новыми и новыми отрядами рабочих-коммунистов, число которых все-же растет и растет. Изображать нынешнюю Италию, как это делает Черныш, скопищем забавляющихся гондольеров, вздыхающих синьорит и вызывать ее на соревнование «по градусам» – это значит равным счетом ничего не понимать ни в политике, ни в поэзии.

Пермский рабочий не сказал еще своего слова. Но уверены, что скажет и спросит у издательства, почему оно выпустило эти гондольерские упражнения Черныша, когда ребятам в школе бумаги недостает на тетради.

Издательству «Звезда» видимо, попотеть придется.

***

Перебирать дальше «поэтику» Черныша едва ли надо. Приведенных образцов, думаю, достаточно для ее характеристики.

Теперь хотелось бы сказать несколько слов по поводу стихотворного фельетона вообще.

Повышает ли он восприятие того или другого факта и воздействие на читателя?

Теоретически, конечно, да, но при условии действительно острого, темпераментного и красочного оформления. Рядовые же вирши, которые у нас нередко печатаются в виде стихотворного фельетона на злобу дня, только принижают значение факта и ослабляют эмоциональное воздействие.

Возьмем пример из того же Черныша.

Берется случай. Ученица 1-й ступени, 14 летняя Лена Попова обучила грамоте несколько десятков крестьян и крестьянок из д. Бамбуловки, Югонского района.

Факт значительный, стоящий особого выделения в газете.

Но вот когда этот значительный, мобилизирующий факт дается в неудачном стихотворном оформлении, то из него получается смешной, при всей внешней напыщенности, и никому ненужный «Росток социализма».

И пусть себе
Французские кликуши
До сих пор
Гордятся Жанной Д'Арк.
Д'Арк – образец
Не нашей молодежи.
Мы знаем жизни
Горькую полынь.
Елена нам
Сто тысяч раз дороже
Задрипанных христовых героинь»...

Дальше еще хуже, еще ходульнее.

Кому вот нужно такое аллилуия с маслом?

Чем оно помогает героине советских будней?

Еще пример. Из международных масштабов.

Приводится сообщение из французской коммунистической печати о том, что на Огненной земле производится систематическая охота на индейцев. За индейцами охотятся, как за дикими животными. За каждую пару ушей индейца платят 1 английский фунт (около 10 рублей).

Политическая значимость такой корреспонденции очевидна. Самое важное здесь – обеспечить документальность.

В стихах Черныша выходит как раз наоборот. Документальность исчезает, а приходит полная отсебятина.

«И вот под вечер светит зарево
В разрыве буковых ветвей.
Сэр Джон с мисс Клэр
Смакуют варево
Из человеческих ушей».

Ведь вот додумался.

Не понимает, что изображать капиталистов первобытными дикарями-людоедами значит недооценивать силы своего классового врага, который как раз тем и силен, что тонко умеет маскировать свою дикость.

И к этому еще тухлый привесок:

Ах, чорт возьми,
Цивилизованным
Недурно быть в 20-й век.

Уж не завидует ли Черныш сэру Джону?

***

Черныша исключили из УралППАа, автор позаботился о художественном обосновании этого решения. В этом смысле сборник фельетонов вполне удачен.